

Женщина и семья в историко-этнологическом аспекте

Woman and family in a historical and ethnological aspect

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.576-591>

EDN: LTEMEO

«Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую»: акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX–XX вв.

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

Е.В. Миронова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
Yelena.Mironova@yandex.ru*

Резюме. В статье рассматриваются процессы становления профессии акушерок и характер медицинской деятельности женщин в Казанской губернии в конце XIX – начале XX в. На основе архивных, периодических и статистических материалов, а также опубликованной делопроизводственной документации уездных земств Казанской губернии 1870-х – 1900-х гг. показана подготовка акушерских и фельдшерских кадров в различных учебных заведениях страны и губернии. Проанализированы мотивы, побуждавшие женщин выбирать медицинские специальности, а также причины переезда столичных жительниц в провинцию для осуществления врачебной практики. Авторами изучены условия труда акушерок, в частности, размеры жалования, должностные обязанности, взаимоотношения с коллегами, уездной и губернской администрацией, а также с крестьянским населением. Показаны социальные барьеры на пути женщин, стремившихся заниматься медицинской практикой. Сделан вывод о привлекательности для них медицинских профессий как способа обеспечения экономической независимости, несмотря на трудности, с которыми приходилось сталкиваться в трудовой деятельности. Кроме того, подчеркивается, что медицинские специальности выбирали девушки из обеспеченных семей, так как только они могли внести плату за обучение, либо земства направляли своих стипендиаток в учебные заведения. Акцентируется внимание на

этноконфессиональной специфике Казанской губернии. Приведены примеры родовспомогательной практики в среде мусульманок.

Ключевые слова: Казанская губерния, акушерство, женщина-врач, земская медицина, акушерские курсы, эмансипация, татарки-мусульманки.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Миронова Е.В. «Я закричала: что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую»: акушерки-фельдшерицы в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 4. С. 576–591. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.576-591> EDN: LTEMEO

Финансирование. Исследование выполнено за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

**“I screamed, ‘What are you doing, I’m going to raise the men’”:
midwives-medical practitioners in the Russian province
at the turn of the 19th–20th centuries**

L.R. Gabdrafikova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

E.V. Mironova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
Yelena.Mironova@yandex.ru*

Abstract. The article examines the processes of formation of the profession of midwives and the nature of medical activity of women in the Kazan province in the late 19th – early 20th century. Based on archival, periodical and statistical materials, as well as published records of the county zemstvos of the Kazan province in the 1870s – 1900s, the paper presents the training of obstetric and medical practitioner personnel in various educational institutions of the country and the province. The motives that encouraged women to choose medical specialties has been analyzed, as well as the reasons for the relocation of metropolitan residents to the province to practice medicine. The authors studied the working conditions of midwives, in particular, the size of salaries, job responsibilities, relationships with colleagues, county and provincial administrations, as well as with the peasant population. Social barriers on the way of women who aspired to practice medicine are shown. It is concluded that medical professions are of interest to them as a way to ensure economic independence, despite the difficulties they had to face in their work. In addition, it is emphasized that medical specialties were chosen by young ladies from wealthy families, since only they could afford to pay tuition fees, or alternatively zemstvos sent their scholarship holders to educational institutions. The focus is on the ethno-confessional specifics of the Kazan province. Examples of obstetric practice among Muslim women are given.

Keywords: Kazan province, obstetrics, female doctor, zemstvo's medicine, obstetric courses, emancipation, Tatar Muslim women.

For citation: Gabdrafikova L.R., Mironova E.V. (2025) "I screamed, 'What are you doing, I'm going to raise the men'": midwives-medical practitioners in the Russian province at the turn of the 19th–20th centuries. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 4: 576–591. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-4.576-591> (In Russ.)

Financial support. The study was carried out using a grant provided in 2024 by the Tatarstan Academy of Sciences for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

Одной из «женских» профессий XIX в. стало акушерство. Появление образованных «повивальных бабок» по всей Российской империи свидетельствовало не только о распространении научной медицины в стране, но и о развитии женской эмансипации. Тема акушерства в Российской империи неоднократно становилась предметом изучения отечественных исследователей. В частности, были рассмотрены такие вопросы, как профессионализация акушерского труда в конце XVIII – начале XX в. (Мицюк, 2021), подготовка научных трудов по акушерству (Мицюк, 2017) и ряд других вопросов в контексте общероссийской истории (Мицюк, 2022). Все эти труды показывают невероятную сложность медиализации населения в условиях Нового времени и становления профессии акушеров. Они носят междисциплинарный характер, соединяют историю медицины с гендерными исследованиями. В этой связи представляется актуальным дополнение данного направления научных изысканий новыми сюжетами, в том числе с привлечением региональных архивных материалов.

Казанская губерния представляла собой один из уникальных регионов Российской империи, где имелись и свои этноконфессиональные особенности, и развитая земская медицина, сотрудничавшая с университетской клинической базой. Между тем, вопросы акушерства в Казанской губернии не становились предметом отдельного исследования и рассматривались в основном как часть становления земской медицины (Саматова, 2016; Валеева, 2019; Миронова, 2020).

Клиническая медицина, с одной стороны, ставит врачей и вспомогательный медицинский персонал на определенный пьедестал, т.к. именно они управляют своими пациентами (Фуко, 2010: 24). С другой стороны, акушерки-фельдшерицы работали под началом врачей и находились в зависимом от них положении, где их трудовые отношения были усугублены, в том числе гендерным различием. Кроме того, женский статус делал их особенно уязвимыми перед властью и обществом. На это неоднократно обращали внимание зарубежные исследователи (Энгель, 2023; 151). Но даже в таких исторических обстоятельствах женщина могла иметь собственную субъектность и быть частью женского движения (Пиэтров-Эннкер, 2005).

Цель нашего исследования – изучить женщин Казанской губернии рубежа XIX–XX вв., занятых в сфере акушерско-фельдшерской службы. Выбранный историко-антропологический подход позволяет обратить внимание на отдельные аспекты из жизни провинциальных акушерок-фельдшериц и раскрывает особенности этой «женской» профессии с нового ракурса.

Источниками исследования выступили документы из различных фондов Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ). Личные дела акушерок и фельдшериц, сохранившиеся в канцелярии губернатора, Губернском правлении, а также в земских управах, иллюстрируют их непростые трудовые будни, взаимоотношения с коллегами, социально-экономическое положение и другие вопросы их жизни. Кроме того, были использованы опубликованные статистические материалы уездных земств Казанской губернии, отчетная документация фельдшерско-акушерских школ и источники личного происхождения.

Акушерки в Казанской губернии в последней трети XIX в.

Акушерки и фельдшерицы сталкивались с разными трудностями в частной и профессиональной жизни. В пореформенное время они обычно работали в системе земской медицины. Жалованье зависело от нагрузки, которая определялась размером участка. Например, в конце 1870-х гг. в Лаишевском уезде Казанской губернии акушерки менее многочисленного, третьего участка получали 120 руб. в год, а первого и второго – в 2,5 раза больше. Им компенсировались расходы на разъезды и наем квартир (Саматова, 2016: 263). По Российской империи среднее жалованье акушерок варьировало от 250 до 400 рублей в год (Мицюк, 2022: 251).

Профессиональную подготовку будущие акушерки проходили в специальных школах. Появлялись они и в губернских центрах. В 1873 г. в Казани открылся Повивальный институт (школа) при медицинском факультете местного университета (Валеева, 2019: 323). Заинтересованные в подготовке собственных кадров земства назначали стипендии для учениц, по окончании учебного курса они проходили службу в уездных больницах (Отчет..., 1868: 19). К слову, согласно свидетельству Повивального института Казанского университета, в 1900-е гг. выпускницам присваивали звание «Повивальной бабки», а устраивались они тогда уже на должность «акушерок» (ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 3–4).

Но общее количество акушерок оставалось тогда незначительным. Например, в 1889 г. в земских больницах Казанской губернии работали по 1 акушерке, лишь в Казани и Цивильске было по 2, а в Чистополе Царевококшайске и Ядрине не было ни одной (Памятная..., 1890). Обязанности акушерок были обширными: они не только принимали больных, но и разъезжали по деревням (принимали роды и навещали рожениц в течение первых дней), составляли ежегодные отчеты о своей работе, а также выполняли ряд функций вне своей служебной компетенции – заведовали хозяйством в уездных больницах, проводили осмотр пациентов вместо фельдшера, выезжали в летний период для оспопрививания. Поэтому постепенно их начинают заменять окончившие фельд-

шерскую школу акушерки-фельдшерицы с более высоким окладом. Со временем акушерки-фельдшерицы становились обычным явлением в провинции, но работать с женщиной-врачом были готовы тогда не все.

В 1880 г. в Казанскую губернию приехала уроженка г. Вильно, выпускница Петербургских высших женских курсов Екатерина Ивановна Карасинская. Она была медиком, участвовала в русско-турецкой войне. 34-летняя женщина планировала устроиться врачом в Спасское уездное земство. Но на месте ей предложили формально занять должность фельдшерицы, а фактически выполнять обязанности врача. В провинциальном обществе, как и в органах власти, в 1870-е гг., очевидно, еще были сильны убеждения о недопустимости женщин на службе в государственных и общественных учреждениях. Е.И. Карасинская отказалась от предложения. Позже она стала заниматься частной практикой в Казани. Её работу ценили, особенно пациенты-татарки. Для них, в силу традиционных мировоззренческих установок, было важно оказание врачебной помощи именно женщиной. Е.И. Карасинская скончалась в 1887 г. во время родов. Первые роды в 42-летнем возрасте оказались для неё смертельными.

В некрологе Е.И. Карасинской в газете «Казанский биржевой листок» пишут, что в 1880 г. её трудоустройство в Спасском земстве не состоялось из-за особых взглядов женщины-врача, посчитавшей такой компромисс недопустимым для положительного разрешения «женского вопроса» (Габдрафикова, 2013: 370–372). В целом, именно со сферой медицины были связаны имена первых активисток женского движения в России (В.А. Кашеварова-Руднева, Н.П. Сулова и др.) (Пиетров-Эннкер, 2005: 244–247). Е.И. Карасинская тоже сформировалась в духе либеральных идей 1860-х гг. и её обращение именно в Спасское уездное земство, известное широкими связями с «вольнодумцами» пореформенной эпохи, было не случайным.

Однако уже в 1870-е гг. некоторые женщины-медики предпочитали другие сферы деятельности. Например, в 1871 г. в Казани супруги Шумковы открыли частную начальную школу. Лидия Петровна Шумкова в прошлом трудилась акушеркой. В последующем именно под её руководством школа станет успешной женской гимназией. Её многолетняя помощница П.Ф. Веселова, тоже ранее работавшая акушеркой, переключилась на педагогическую сферу (Казанская..., 1910: 18–19). Отметим, что акушеров-фельдшериц (впрочем, как и учительниц) нередко подозревали в противоправительственных настроениях. Например, за Л.П. Шумковой в 1886–1888 гг. был установлен негласный надзор казанской полиции, т.к. её связывали с последователями социал-демократических идей (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7054. Л. 4), что позже не нашло прямого подтверждения. Такая подозрительность в отношении Л.П. Шумковой была продиктована общей обстановкой в Казани, в которой появились первые марксистские кружки (так, в одной из сходов участвовал в 1887 г. студент университета В.И. Ульянов). Организатором был бывший гимназист Н.Е. Федосеев, летом 1889 г. он и многие его соратники были арестованы.

«Недостойное поведение врача», или случай Александры Филипповой

На фоне новой политической обстановки в Тетюшском уезде Казанской губернии в 1887 г. случился конфликт между акушеркой Филипповой и врачом Тихомировым. Работа под руководством врачей-мужчин добавляла дополнительные сложности в становлении этой профессии. Конфликт Филипповой и Тихомирова, с одной стороны, имел сексуализированный характер, с другой, – политический оттенок из-за неверного толкования высказанных ею во время ссоры слов.

Александра Иванова Филиппова была родом из Симбирской губернии: окончила Алатырскую женскую прогимназию, затем сдала экзамены при Казанском университете на звание «повивальной бабки» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1). С начала 1880-х гг. она работала в Тетюшском уезде Казанской губернии.

По данным 1879 г., в штате земской медицины Тетюшского уезда было 2 врача и 12 вспомогательных специалистов (8 фельдшеров, 1 фельдшерица и 1 акушерка). В уезде проживало 146 196 человек, на каждого специалиста приходилось 1426 пациентов в году или по 4 человек каждый день (Журналы..., 1881: 73).

Летом 1887 г. А.И. Филиппову направили в татарскую деревню Кабаланы, где она заняла должность фельдшерицы-акушерки при земской больнице. Она приступила к своим обязанностям 1 августа 1887 г., а уже 23 сентября того же года случился инцидент, который повлек за собой разбирательство в органах власти.

О произошедшем А.И. Филиппова сообщила не сразу, а лишь 28 октября 1887 г. «Врач г. Тихомиров оной больницы применил мне насилие под предлогом служебной обязанности», – начала она свое обращение. Ранним утром 23 сентября врач вернулся в больницу с рабочей поездки и постучался к ней в дверь. Она занимала одну из комнат в больнице. При ней же находилась её 12-летняя родственница¹. Акушерка спала, но быстро отреагировала на слова врача о том, что нужно переговорить о роженице. В жалобе она описала то утро: одевалась «не более 10 минут», а Степан Дмитриевич Тихомиров «нетерпеливо стучал» в дверь и ругал за медлительность, угрожая увольнением. Однако вызов был связан не с медицинским случаем: «...я подошла к столу, где стояла лампа, которую врач – мигом потушив, схватил меня, сильно, руками и свалил на кушетку, тут стоящую, для осмотра больных» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2). Ей удалось убежать в соседнюю палату («под защиту больных и служащих»), а потом запереться в своей комнате. Тихомиров пытался открыть дверь. «Шум дребезжавших под дверью стеклянных рам разбудил всех и вышедший смотритель, уговаривая врача, просил его идти в свою квартиру – которая на-

¹ Характерный момент повседневности женщин-медиков – ребенок при них. Например, Е.И. Карасинская еще до замужества взяла на воспитание девочку-сиротку. Это могло быть связано с разными обстоятельствами и мотивами, но ребенок выступал своеобразным «талисманом», защитником репутации одинокой женщины.

ходится в отдельном, от больницы, здании на дворе» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2). Земский врач находился в нетрезвом состоянии, а его буйное поведение не было для некоторых коллег открытием. В отличие от них, акушерка Филиппова была в замешательстве, не зная, как реагировать на «недостойное поведение врача». Она собиралась написать об этом родным, но через неделю в больнице случился новый скандал. На этот раз при проверке хозяйственной части больницы серьезно схлестнулись Тихомиров и смотритель-фельдшер Румянцев. Именно он пытался усмирить врача утром 23 сентября. 7 октября 1887 г. врач пожаловался исправнику на «буйство» фельдшера. Акушерка выступала свидетелем и придерживалась стороны Румянцева. «Врач под предлогом служебной обязанности, вызвал меня запискою к себе в квартиру – 14 октября в 9 часов вечера, он насильственным образом склонял меня на свою сторону предупреждая, что он как начальник имеет власть, доносить начальству, делать выговоры, наконец уволить, и не имея возможности, ни угрозой, ни лаской, склонить меня на ложное показание, врач отобрал от меня, в силу чего-то, ключи от медикаментов и хирургических вещей и разного рода принадлежностей для больных», – отмечала А.И. Филиппова (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 2об.).

На следующий день, после уговоров акушерки, Тихомиров нагрубил не только ей, но и пациентке (ею оказалась супруга фельдшера Румянцева). Дело в том, что Филиппова продолжала распоряжаться лекарствами, что вызвало гнев врача. Он обозвал её «мерзавкой, развратницей». В ответ на ярость и оскорбления начальника, она закричала «что вы делаете, я пойду мужиков взбунтую». Тихомиров зацепился за это слово, потом А.И. Филиппова была вынуждена оправдываться, что она не против правительства или дома Романовых. «Взбунтую я в защиту себя, за мной нет стражи как за вами, я скромная девушка, далеко от родных в глуши среди татар людей непонимающих русского языка, понятно взбунтуются Вашими поступками...», – воссоздавала она свою прямую речь позднее (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 3).

Слова А.И. Филипповой о «бунте» не остались без внимания – местный исправник был тестем врача С.Д. Тихомирова. Через два дня к акушерке приехал становой пристав и потребовал объяснения её слов. Такое внимание напугало её и лишь после этого, в свою защиту она решила изложить подробности сложных взаимоотношений в коллективе и домогательствах со стороны врача. Но сначала она обратилась в Тетюшское земство, где служила уже семь лет. Не дождавшись приезда членов управы в д. Кабаланы, 28 октября 1887 г. акушерка написала в канцелярию губернатора, т.к. боялась уголовного наказания и лишения должности (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 4об.).

На запрос губернатора тетюшский исправник ответил, что заявления от Филипповой об инцидентах 23 сентября и 15 октября не поступало. Позднее свое видение ситуации в письменном виде подал и земский врач. Тихомиров писал, что акушерка «сначала довольно усердно занималась своим делом», однако потом «охладела к занятиям, став проводить время в праздности, пустяках,

неприличных разговорах, пляске (танцевала даже канкан) и пьянстве». Компанию Филипповой, по его словам, составляли фельдшер Румянцев и некоторые татары д. Кабаланы.

Интересно, что в обращениях к власти местное население использовалось для усиления нарратива. Если акушерка подчеркивала с их помощью неординарные условия работы («в глуши среди татар, людей непонимающих русского языка»), то врач указывал на вредное влияние Филипповой на них («спаивала водкой татар»). «Татары» могли, в зависимости от рассказа, выступать и как неуправляемая сила, и как жертва обвиняемого.

Помимо пристрастия к алкоголю, начальник указал на безнравственное поведение своей подчиненной. Он утверждал, что она состоит в любовной связи с фельдшером («целовалась», «позволяла держать себя за груди»). «Мне приходилось ей в адекватной форме давать намеки на ее неправильную жизнь», – отмечал Тихомиров. Тем не менее, несмотря на «некоторые вольности и неприличные поступки», врач подчеркивал, что трудовые отношения были «вполне нормальные и совершенно удовлетворительные», «акушерка была вежлива, беспрекословно исполняла требования по службе» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 19). Он считал, что открытая враждебность появилась лишь после 13 октября. Врач упоминает вечерний визит акушерки в его квартиру, а также её заявление на следующий день с угрозой «взбунтовать» кабалановских крестьян (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 25об.).

Это дело закрыли довольно быстро. 11 ноября 1887 г. дознание по жалобе акушерки А.И. Филипповой «на оскорбление и на покушение производства над ней насилия» врачом 3-го участка С.Д. Тихомировым было прекращено из-за отсутствия «состава преступления» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 32). Между тем дальнейшие действия Тетюшской земской управы указывают на серьезные основания заявительницы. Было принято решение об освобождении от должности земского врача С.Д. Тихомирова, причем «без аттестации». Акушерка Александра Ивановна тем временем продолжала работать в Кабалановской больнице. Её бывший начальник был убежден, что она «одним почерком пера» заставила уволить его. После этого Сергей Дмитриевич вместе с семьей уехал в Казань и начал искать новое место. Со стороны казанского губернатора на это «не было никаких препятствий» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 33–34).

О проверке благонадежности «в политическом и нравственном отношении»

Проверка «политической благонадежности» акушеров и фельдшериц особенно усилилась в годы первой русской революции. Губернаторские канцелярии и жандармские службы разных губерний постоянно уточняли друг у друга данные соискательниц на должности медиков. Например, 28 марта 1906 г. екатеринославский губернатор запрашивал у казанского губернатора сведения о двух фельдшерицах, уроженках Казани, З.А. Тихомировой и М.М. Кунавиной. Девушки устраивались оспопрививательницами в Екатеринославской губернии.

Казанская полиция сначала дала обоим положительные характеристики, однако позднее губернское жандармское управление отправило справку о связи первой с социал-демократической партией (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1–8). Кроме политической благонадежности, работающим женщинам нужно было подтверждать перед обществом и властью свою нравственную чистоту, в некоторых случаях и в половом смысле (Энгель, 2023: 174).

Судя по всему, такая требовательность иногда приводила к трагическим последствиям. Например, 2 июля 1902 г. в Спасском уезде Казанской губернии произошла трагедия – «самоотравление» фельдшерицы-акушерки Татьяны Петровны Рахмановой. Причиной неожиданной смерти молодой женщины стал морфий, но поводом, вероятно, стали подозрения, подвергнувшие сомнению её «благонадежность в политическом и нравственном отношении». Она устроилась на 3-й медицинский участок Спасского уезда при Полянской земской больнице в начале апреля того года. Ей назначили оклад в размере 40 руб. в месяц, т.е. годовое жалованье должно было составить не менее 440 руб.

При написании прошения о принятии на работу от 15 февраля 1902 г. Т.П. Рахманова предъявила диплом об окончании акушерских курсов и свидетельство Императорской Военно-Медицинской академии клиники профессора Рейна. Своим местожительством она указала Петербург, набережную реки Пряжка, д. 46, кв. 10 (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2496. Л. 1–8). Пока проверяли её документы, фельдшерицу-акушерку трудоустроили в Спасском земстве лишь временно. На процедуру согласования всех документов ушло больше двух месяцев. 10 июня 1902 г. в Спасске получили сообщение из Казани о том, что Т.П. Рахманова указала недостоверные сведения о себе и просили «немедленно доставить точные и достоверные данные» о её предыдущем местожительстве (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 1–8). Как видно из пояснения акушерки от 23 июня того же года, она проживала в Петербурге до декабря 1901 г., но по другому адресу – в клинике баронета Виллие на Больше-Самсоновском проспекте. Вероятно, это было местом её работы. С конца декабря 1901 г. она находилась в пригороде, в доме своего отца, на Лесном участке (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 10). Возможно, другой адрес был указан ею для удобства переписки со Спасским земством. Для подтверждения своих слов акушерка «прилагала паспортную книжку, если таковая нужна» (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 12). Но 3 июля 1902 г. врач 3-го медицинского участка отправил в уездный город короткое сообщение о её смерти в Полянской больнице (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 12). Спустя две недели нашли по тому самому «достоверному адресу» её отца – неграмотного крестьянина Петра Рахманова, которому местный пристав сообщил о самоотравлении дочери в далеком Спасском уезде Казанской губернии (ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7242. Л. 14об.). Остается лишь догадываться, как еще одна петербурженка оказалась в Спасском уезде. Безусловно, здесь нельзя исключать обширные неформальные связи между интеллигенцией разных губерний.

Социально-экономическое положение акушеров и фельдшериц

«Скоропостижная кончина» не была редкостью в трудовой практике акушеров и фельдшериц. Как и врачи, они находились в зоне постоянного риска из-за контакта с больными, среди которых встречались носители разных инфекций. В том же Спасском уезде в 1900 г. после четырех лет службы умерла молодая фельдшерица Анастасия Ивановна Антонова. Она была выпускницей Казанской земской фельдшерской школы. Сначала её хотели взять фельдшерицей-акушеркой, но она отказалась, сославшись на отсутствие соответствующего диплома и достаточной практики (ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042. Л. 3). А.И. Антонова работала в Спасском земстве с июля 1896 г. по декабрь 1900 г. Коллеги отмечали её «почти пятилетнюю полезную и безупречную службу». После смерти фельдшерицы выяснилось, что у неё не было «никаких средств» и земство приняло на себя расходы по её погребению. Судя по всему, у А.И. Антоновой не было и родственников, готовых взять на себя это (ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042. Л. 7). 2 февраля 1907 г. умерла акушерка Мария Симашенко, работавшая в Лаишево. При этом в январе того года её перевели на 6-й участок г. Казани, но она не успела даже перебраться из уездного центра в губернский город (ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 4).

Для некоторых девушек работа акушеркой или фельдшерицей была единственной возможностью вырваться из родительского попечения и вести самостоятельную жизнь. Например, фельдшерица Зинаида Тихомирнова, дочь казанского купца, вспоминала, что сначала хотела стать певицей («но отец не отпустил из Казани»), после этого в 1900 г. она поступила в фельдшерскую школу (ГА РТ. Ф. ПЗ0. Д. 2704. Л. 15).

Казанская земская фельдшерская и фельдшерско-акушерская школа открылась в начале XX в. Туда принимались лица старше 16 лет обоего пола, всех сословий и вероисповеданий, окончившие 4 класса государственных (правительственных) общеобразовательных школ. При этом для жителей Казанской губернии предоставлялись существенные льготы: если годовая плата за обучение для них составляла 10 руб., то для жителей других губерний – 40 руб. в год. Фельдшерский курс составлял 3 года, а фельдшерско-акушерский – 4 года (Правила..., 1907: 5–6). Преимущественно «женский» характер этих профессий показывают последующие отчеты учебного заведения. В 1911–1912 учебном году в школе числилось 117 учениц и 26 учеников (Отчет..., 1912: 1). В сословном отношении учились здесь, в основном, женщины из мещан и крестьян – 93 человека. Большинство учениц были незамужними (106 человек), лишь 5 состояли в браке, а 6 являлись вдовами. Среди учащихся преобладали лица в возрасте от 17 до 25 лет, но встречались и те, кому исполнилось 30 лет и старше. Самой старшей ученице был 41 год. Интересен этнический состав учащихся. Кроме русского большинства, эту профессию стремились получить в Казани в 1911 г. четыре еврейки, три чувашки, две полячки, немка и шведка (Отчет..., 1912: 2).

«В фельдшерской школе я близко столкнулась с нуждой большинства учащихся, а также узнала, что среди нас были работники партии РСДРП», – вспоминала З. Тихомирнова уже в советское время (ГА РТ. Ф. П30. Д. 3. Д. 2704. Л. 15). Она сама выросла в богатой купеческой семье и эти проблемы не были ей знакомы. Профессия фельдшерицы не стала для нее возможностью заработка, в отличие от многих её сокурсниц. Вплоть до 1917 г. Зинаида училась на частных женских курсах, позднее работала врачом в системе Наркомздрава (ГА РТ. Ф. П30. Д. 3. Д. 2704. Л. 27об.).

Но для большинства девушек и женщин акушерство, действительно, стало источником дохода. Обрести «почву под ногами» таким образом стремились, прежде всего, девушки из небогатых семей, не имевшие родителей. Например, в 1903 г. свидетельство Повивального института Казанского университета получила Мария Лаврова. Она была приемной дочерью вдовы мелкого служащего (коллежского асессора). Сразу после успешного окончания учебного заведения молодая девушка устроилась акушеркой в 6-ой участок г. Казани (ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973. Л. 1, 4). Даже по рекламным объявлениям рубежа XIX–XX вв. в провинциальной прессе можно увидеть насколько большим спросом пользовались акушерские услуги (особенно анонимные роды). Реклама такого рода регулярно появлялась на страницах газет «Казанский телеграф», «Камско-Волжская речь» и других периодических изданий (Казанский..., 1895; Камско-Волжская..., 1913).

К этому времени казанскими врачами Бузуновым, Захарьевским, Климовичем, Клячкиным, Кривоносовым, Лурия была учреждена частная женская фельдшерско-акушерская школа. Каждая ученица должна была провести не менее 20 самостоятельных приемов (Устав..., 1912: 2). Обучение в частной школе было значительно дороже, чем в земской. Вероятно, поэтому, для подтверждения платежеспособности в правилах было примечание о том, что абитуриентки должны внести залог в размере 25 руб. Плата за обучение в этой школе составляла 100 руб. в год (Правила..., 1910: 1–2).

Профессию фельдшериц-акушеров выбирали и представительницы благородных семейств, причем не только из разорившихся дворян. Например, в Полянской земской больнице, почти сразу после кончины Т.П. Рахмановой, в июле 1902 г. была трудоустроена Татьяна Сергеевна Геркен. Она была дочерью местной помещицы Любови Павловны Геркен, родовое имение которой находилось в с. Ромодан Спасского уезда. Претендентка летом 1902 г. окончила Казанскую фельдшерскую школу и сразу же была принята на работу в Спасское уездное земство Казанской губернии (ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2043. Л. 3, 6).

Этноконфессиональная специфика в работе фельдшериц-акушеров

Казанская губерния, как и сопредельные территории, отличались полиэтничным составом населения. Такая специфика влияла на работу местной медицинской службы. Так, нерусские пациенты не всегда доверяли русскоговорящим медикам. В таких условиях важной была не только подготовка собствен-

ных кадров, но и гендерный подход. Пациентки-татарки чаще обращались к женщинам-медикам, поэтому фельдшерицы-акушерки были особенно востребованы в этой среде. Это подтверждает приведенный выше случай Е.И. Карасинской и А.И. Филипповой. Встречались даже ситуации, когда акушерка оказывалась единственным близким человеком для бывшей пациентки. Например, в 1902 г. в Казани купеческая жена Гайша Апанаева обратилась за помощью к акушерке Н. Нелидовой, когда нетрезвый супруг выгнал её из дома с младенцем на руках. Позднее акушерка выступила в качестве свидетеля при бракоразводном процессе Апанаевых (Габдрафикова, 2013: 327).

Способность фельдшерицы или акушерки работать в инородческой среде (среди татар, чувашей и др.) обычно подчеркивалась особо. Это учитывалось и при назначении им пенсии по выслуге лет (Татарские селения..., 2021: 232). Приветствовались и медики из числа татарок. Например, в Мензелинском уезде Уфимской губернии в 1907 г. высоко оценили работу М.С. Резяповой во время эпидемии цинги. Участковый врач отмечал в отчете «её татарское происхождение и её язык, родственный больным», которые вместе с «её приветливым отношением» способствовали особой любви пациентов (Татарские селения..., 2021: 238). Вместе с тем, появившиеся на рубеже XIX–XX вв. медицинские работники-татарки воспринимались мусульманским населением не всегда однозначно. Например, по словам врача А. Сухарева, в Казанском уезде мало кто доверял акушерке-татарке. Для русского населения медицинского участка было непривычно видеть акушерку-мусульманку, а сами татары не одобряли профессиональную деятельность незамужней женщины (Габдрафикова, 2013: 304). Показательно и то, что упомянутая выше М.С. Резяпова еще в 1907 г. работала лишь временно и только в период эпидемии в качестве сестры милосердия. Между тем Резяпова Марьям Мирсаидовна с 1902 г. училась на Санкт-Петербургских медицинских курсах (Биктимирова, 2011: 167). Поэтому она могла бы как выпускница профильного учебного заведения занимать и более высокую профессиональную позицию. Однако такая возможность для неё открылась лишь после начала Первой мировой войны: с 1914 по 1925 гг. М.М.-С. Резяпова заведовала Кармаскалинской земской больницей в Уфимском уезде. В целом, если обратить внимание на опыт первых женщин-врачей из татарок (Разия Кутлюярова-Сулейманова, Суфия Кулахметова-Агеева, Рукия Губеева-Кутлубаева) профессиональную деятельность они осуществляли, будучи либо замужними женщинами, либо вдовами. Вероятно, такой социальный статус вызывал большую лояльность у традиционной части татарского сообщества.

В начале XX в. с развитием земской медицины образованные и состоятельные татарские семьи все чаще прибегали к помощи медиков, в том числе акушерок. В 1912 г. по инициативе Мусульманского благотворительного общества Казани открылось родовспомогательное лечебное учреждение для мусульманок (татарок). Открытие мусульманского роддома (*вилядатхана* на татарской книжной лексике начала XX в.) было встречено образованными татарками положительно. В 1913 г. известная вероучительница из Казани Магруй

Музаффария отмечала, что в учреждении работают грамотные акушерки, и женщины теперь больше полагаются на них, нежели на традиционных повитух (Габдрафикова, 2025: 57).

Накануне 1917 г. в фельдшерско-акушерской службе были задействованы десятки татарок. Их стало еще больше в первые годы советской власти: среди них была Амина Валиулловна Алимбек. Её профессиональная деятельность любопытна тем, что она была задействована в становлении дипломатической миссии Советской России в Саудовской Аравии. Как акушерку-мусульманку её пригласили на работу в больницу г. Рияд, а также для медицинского надзора за пациентками из дворца саудовского короля (Таиров, 2008: 283–285).

* * *

Изучение архивных и других материалов, связанных с жизнью фельдшериц и акушеров Казанской губернии, показывает, что данная профессиональная область имела тогда свои особенности. Самостоятельность таких женщин была вызовом для общества и власти. Ассоциирование (иногда небезосновательное) земских медиков с нелегальными кружками и партиями осложняло, прежде всего, жизнь работающих женщин – любые их высказывания и действия могли быть интерпретированы в негативном ключе. Все это приводило к некоторому оттоку женщин из сферы медицины в пореформенный период. Между тем к началу XX в. экономическая выгода от такой трудовой деятельности привлекала все больше женщин из разных социальных групп. Женщины таким образом реализовали свое стремление к эмансипации.

Хотя трудовая деятельность женщин на рубеже XIX–XX вв. была явлением достаточно новым и продолжало господствовать общее отношение к ним как к исключительно хранительнице семейного очага, в общественном сознании стали постепенно происходить изменения. Случай с фельдшерицей-акушеркой А.И. Филипповой показывает, что земство могло постоять за права женского персонала.

Определенное влияние на становление акушерской профессии в Российской империи оказывала этноконфессиональная специфика населения. Неслучайно первая женщина-врач В.А. Кашеварова-Руднева начинала свой путь в качестве акушерки среди мусульманок Оренбургской губернии. Фельдшерицы-акушерки были особенно востребованы среди татарок Казанской губернии. В начале XX в. эту профессию выбирали и сами татарки-мусульманки. В их среде чаще всего встречались замужние женщины. Такой социальный статус, судя по всему, вызывал большее доверие в традиционном сообществе.

Несмотря на различные трудности в конце XIX – начале XX в. акушерки и фельдшерицы стали обыденным явлением, расширяя возможности для развития самих женщин и социума в целом.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ГА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2496.

ГА РТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1973.

ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2042.

ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2043.

ГА РТ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2052.

ГА РТ. Ф. П30. Оп. 3. Д. 2704.

ГА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.7054.

ГА РТ. Ф.1. Оп. 3. Д. 7242.

Журналы XVI очередного Тетюшского уездного земского собрания, состоявшегося 25–28 сентября 1880 г. Казань: тип. Губ. правл., 1881.

Казанская частная женская гимназия с профессиональным отделением Л.П. Шумковой с 1871 по 1910 г. Казань: Центральная типография, 1910.

Казанский телеграф. 1895. №656. 2 апреля.

Камско-Волжская речь. 1913. №100. 7 мая.

Отчет Лаишевской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства в 1867/1868 г. Казань: Губ. тип., (б.г.), 1868.

Отчет Педагогического Совета о состоянии Казанской Земской Фельдшерско-акушерской школы за 1911–1912 учебный год. Казань, 1912.

Памятная книжка Казанской губернии за 1889 – 1890 гг. Казань: тип. Губ. правл., 1890. – 317 с.

Правила для учащихся Казанской земской фельдшерской и фельдшерско-акушерской школы. Казань: Типо-литография Окружного Штаба, 1907.

Правила и сведения для учащихся Казанской частной женской фельдшерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1910.

Устав Казанской частной женской фельдшерско-акушерской школы. Казань: тип. Губ. правл., 1912.

ЛИТЕРАТУРА

Биктимирова Т.А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное издательство, 2011.

Валеева Н.Г. Чистопольское уездное земство Казанской губернии (1865–1914 гг.): историко-краеведческое исследование. М.: Перо, 2019.

Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. Казань: Институт истории АН РТ, 2013.

Габдрафикова Л.Р. Татарская женщина на рубеже XIX–XX вв.: традиции и новации в уходе за детьми // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2025. Т.15. №1. С. 55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>

Миронова Е.В. Медицинские работники и служащие Лаишевского земства // Историческая этнология. 2020. Т. 5. № 1. С. 110–127. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-1.110-127>

Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л., Белова А.В. Человек рождающий: История родильной культуры в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Мицюк Н.А., Белова А.В. Акушерский труд как первая официальная профессия женщин в России в XVIII – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 270–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-270-285>

Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л. От повивального искусства к акушерской науке: анализ акушерской литературы, изданной в России в 1760–1860 гг. // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2017. Т. 16. №3. С. 151–164.

Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. с нем. Ю.П. Шаттона; ред. М.П. Мохначевой. М.: РГГУ, 2005.

Саматова Ч.Х., Ибрагимов Р.Р. Становление и развитие земской медицины в Лаишевском уезде Казанской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2016. №3/4. С. 260–268.

Таиров Н.И., Таиров И.Н. Амина Валиулловна Алимбек // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. №1. С. 283–285.

Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Академический проект, 2010.

Энгель Б. Женщины в России. 1700–2000 / пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

REFERENCES

Biktimirova T.A. (2011) *Educational stages before the Sorbonne*. Kazan: Tatar Book Publ. House. (In Russ.)

Engel B. (2023) *Women in Russia: 1700–2000*. Transl. from English by O. Poley. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika Publ. (In Russ.)

Foucault M. (2010) *The birth of the clinic: An archeology of medical perception*. Transl. from French by A.Sh. Tkhostov. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)

Gabdräfikova L.R. (2013) *Everyday life of urban Tatars in the conditions of bourgeois transformations of the second half of the 19th – early 20th centuries*. Kazan RT AS Marjani Institute of History Publ. (In Russ.)

Gabdräfikova L.R. (2025) Tatar woman at the turn of the 19th–20th centuries: traditions and innovations in childcare. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region]. Vol. 15. No. 1: 55–67. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2025-15-1.55-67>. (In Russ.)

Mironova E.V. (2020) Medical workers and employees of the Laishevsky zemstvo. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 5. No 1: 110–127. <https://doi.org/10.22378/he.2020-5-1.110-127>. (In Russ.)

Mitsyuk N.A., Belova A.V. (2021) Obstetric work as the first official profession of women in Russia in the 18th – early 20th centuries. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. Vol. 20. No. 2: 270–285. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-2-270-285>. (In Russ.)

Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L. (2017) From midwifery to obstetric science: analysis of obstetric literature published in Russia in 1760–1860. *Vestnik Smolenskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii* [Vestnik of the Smolensk State Medical Academy]. Vol. 16. No. 3: 151–164. (In Russ.)

Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L., Belova A.V. (2022) *The man giving birth: the history of maternity culture in modern Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)

Petrov-Ennker B. (2005) *New people of Russia. The development of the women's movement from its origins to the October Revolution*. Transl. from German by Yu.P. Shatton; ed. by M.P. Mokhnacheva. Moscow: RGGU Publ. (In Russ.)

Samatova Ch.Kh., Ibragimov R.R. (2016) The formation and development of zemstvo medicine in the Laishevsky district of the Kazan province in the second half of the 19th – early 20th centuries.). *Gasyrlar avazy = Ekho vekov* [Echo of Centuries]. No. 3/4: 260–268. (In Russ.)

Tairov N.I., Tairov I.N. (2008) Amina Valiullova Alimbek. *Gasyrlar avazy = Ekho vekov*. [Echo of Centuries]. No. 1: 283–285. (In Russ.)

Valeeva N.G. (2019) *Chistopol district zemstvo of the Kazan province (1865–1914): historical and local history research*. Moscow: Pero Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrarifikova, Doctor Sc. (History), Chief Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Elena V. Mironova, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2818-8490>; e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 1.06.2025

Доработана после рецензирования / Revised 15.08.2025

Принята к публикации / Accepted 24.10.2025